

Мещанский Александр Юрьевич

ПРОБЛЕМА ВЫЖИВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ СОВРЕМЕННОЙ "НОВОЙ ДРАМЫ"

В статье раскрывается ключевой характер проблемы выживания человека для современной российской драматургии. На различном текстовом материале показана актуальность конфликта между социумом и человеком в условиях стремительно меняющегося мира эпохи рубежа XX-XXI веков. Герой пьес нередко предстает как объект целенаправленного насилия и произвола. Изучаемые драматургические произведения высвечивают сдвиги в системе ценностных ориентиров общества, культивирующего крайний индивидуализм и нацеливающего личность на эгоистично-потребительское отношение к жизни.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/11-2/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(65): в 3-х ч. Ч. 2. С. 25-28. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

BASHKORTOSTAN IN THE RUSSIAN PROSE OF THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

Kul'sarina Irena Galinurovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor

*Bashkir State University
kulsarina-bgu@yandex.ru*

The article considers the representation of the Bashkir theme in the Russian prose of the second half of the XX century. Among the major topics and problems developed by the writers of that period, the military, industrial, environmental, and moral ones are mentioned. Particular attention is paid to the methods of Bashkortostan multicultural space representation and the reconstruction of the Bashkir national character in the Russian literature. By the specific examples the ideological and literary features of A. Filippov's, I. Sotnikov's, I. Slobodchikov's prose, which has not yet become the object of researchers' attention, are analyzed.

Key words and phrases: Bashkortostan; the Russian literature; national character; subject-matter; plot-compositional structure; image.

УДК 821.161.1

В статье раскрывается ключевой характер проблемы выживания человека для современной российской драматургии. На различном текстовом материале показана актуальность конфликта между социумом и человеком в условиях стремительно меняющегося мира эпохи рубежа XX-XXI веков. Герой пьес нередко предстает как объект целенаправленного насилия и произвола. Изучаемые драматургические произведения высвечивают сдвиги в системе ценностных ориентиров общества, культивирующего крайний индивидуализм и нацеливающего личность на эгоистично-потребительское отношение к жизни.

Ключевые слова и фразы: современная новая драма; проблема духовной деградации; российское общество; П. Пряжко; В. Сигарев; В. Дурненков; Ю. Клавдиев.

Мещанский Александр Юрьевич, к. филол. н., доцент

*Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (филиал) в г. Северодвинске
a.meshchanskiy@narfu.ru*

**ПРОБЛЕМА ВЫЖИВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА
КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ
СОВРЕМЕННОЙ «НОВОЙ ДРАМЫ»**

Многовековая история русской литературы воспринимается как постоянный поиск духовной красоты и идеала человека. Произведениям отечественной литературы всегда был свойственен особый, повышенный интерес к личности человека, являющегося главным творцом всех материальных и духовных ценностей. Несмотря на трагические последствия минувшего века, который предоставил масштабные возможности для разгула пошлости, безнравственности, бессмысленной жестокости, многие писатели XX столетия выступили преемниками гуманистических традиций русской классической литературы. Их творчество является не только средством познания себя и окружающего мира, но и возможностью выхода за его пределы, прикосновения к чему-то высшему.

Насущные вопросы о ценностных приоритетах человека, о том, как ему вписаться в реальную жизнь, не потеряв при этом своей индивидуальности в нравственно несовершенном мире, пронизывают и отечественную драматургию XX века, которая ощущает свою тесную связь с социально-психологической драматургией Н. Гоголя, И. Тургенева, А. Островского, А. Чехова. Нравственный пафос актуален для пьес М. Булгакова, Е. Шварца, А. Арбузова, В. Розова, А. Володина, А. Вампилова, С. Алешина, Г. Горина, А. Гельмана и др.

Современный философ Абрахам Маслоу высказал мысль о наиболее важной мировой задаче сегодняшнего дня: «Первая всеобъемлющая Большая Проблема состоит в том, чтобы создать Хорошего Человека. Люди должны стать лучше, иначе вполне возможно, все мы будем сметены с лица земли, или если даже выживем, то как биологический вид будем жить в напряжении и тревоге» [8, с. 9]. В чем-то схожую точку зрения несколько ранее выразил поэт И. Бродский: «Мир, вероятно, спасти уже не удастся, но отдельного человека всегда можно» [1]. Призыв Маслоу и Бродского понятен, но никаких предпосылок к серьезным изменениям современного человека, к сожалению, не чувствуется.

Если еще в начале XX века мир казался прочным, разумным и упорядоченным, а культурные и нравственные ценности – незыблемыми, то к концу столетия мир все чаще воспринимается нелепым, безумным и бессмысленным, а человеческая жизнь – бесцельной. Эпоха постмодернизма отменила все высшие идеалы. Потеряли смысл понятия нравственного и безнравственного, высокого и низкого, прекрасного и безобразного. Все стало равнозначно и одинаково дозволено: «Все элементы определенности в наше время подорваны и подвергаются сомнению, а условия проживания людей принимают характер глобального и фрагментарного общества, в котором не существует абсолютных правил и критериев оценки» [2, с. 189]. В таких условиях сегодняшнего дня человек оказывается «одним воином в поле», вынужденным надеяться не на ближнего, а только на самого себя.

Знаменитый чеховский афоризм – «у насекомых из гусеницы получается бабочка, а у людей наоборот» [7, с. 281] – заключает в себе одну из центральных проблем современной драматургии, ставшей своеобразным документом нашего саморазрушения. Авторы «новой драмы» в своих пьесах стремятся отразить негативные явления современной российской жизни, затронувшие судьбы миллионов людей. Прежде всего, эти мрачные тенденции современного театра коснулись проблемы поляризации качества жизни расслоенного общества, когда значительная часть населения страны оказалась «на дне» жизни. Социальная неустойчивость,

отсутствие перспективы, бедность и маргинализация населения – проблемы, ставшие фокусом пристального внимания российской драматургии последних двух десятилетий. Однако «благое» стремление к правдивому воспроизведению действительности на сцене в определенном смысле нивелировало основную задачу театра – быть «кафедрой, с которой можно много сказать миру добра» (Гоголь) [4, с. 5]. Новые драматурги перестают отображать жизнь средствами искусства и все больше отображают жизнь средствами жизни. Катарсис – базовый принцип античной трагедии – в современном театре потерял свою актуальность. Как справедливо заметил драматург Ю. Лугин: «Для меня без просветляющего начала искусства нет. То есть вне нравственного посыла <...> “Нового” в смысле суровой матерной правды о безнадёге человеческого существования в наши депрессивные времена тотального разрушения культурных и гуманистических начал и без того хватает. И этому “новому” – уже четверть века. Пора бы и поновее» [6].

Реалии повседневной действительности нашли отражение в современной русской драматургии, запечатлевшей вымороченную картину страшного, звериного мира, в котором человек обречен на тотальное одиночество. В произведениях многих современных драматургов (И. Вырыпаева, В. Дурненкова, М. Курочкина, П. Пряжко, Е. Исаевой, О. Богаева, О. Мухиной и др.) «ярко выражен культ эстетической агрессивности, культ насилия, секса и вульгарности, что стало “нравственной нормой жизни”» [3, с. 10].

В пьесах новодраматургов наблюдается радикальный поворот от изображения жизни человеческого духа на сцене к представлению жутких картин формирования и развития «социального дна» в современной России.

В пьесе В. Дурненкова «Север» современный жизненный порядок изображается как мир, лишенный каких-либо ценностных ориентиров. Большинство действующих лиц – несчастные, загнанные люди, являющиеся жителями расположенного где-то на севере провинциального моногорода, не имеющего перспектив развития. Символично название пьесы, смысл которой связан не столько с социальным «холодом» (отключение горячей воды, невыплата заработной платы, бедность, пьянство, снижение рождаемости), но и с охлаждением человеческих сердец: «Символика севера архаична, сформировалась в ходе долгой культурной традиции. Многозначность ее подчинена общему смыслу, который связан с равнодушием, жестокостью, черствостью, холодным расчетом, “холодным сердцем”» [10, с. 125].

Интересно отметить, что пьеса В. Дурненкова «Север» по содержанию коррелирует с пьесой Н. Садур «Замерзли», герои которой – уборщицы столичного театра, провинциалки Надя и Лейла – страдают не только от постоянного ощущения зимнего холода, но и от холода равнодушия и жестокости окружающего мира. «Замерзшие» души женщин, когда-то мечтавших о «доме, саде и детях» [13, с. 87], переполняются агрессией и ненавистью.

Стремление отразить негативные явления современного российского социума характерно и для драматургии В. Сигарева. Героев многих пьес драматурга окружают бедность, скудный быт, грубость и черствость человеческих отношений («Семья вурдалака», «Черное молоко», «Пласталин», «Божьи коровки возвращаются на землю», «Агасфер» и др.). Все это определяет их пессимистичное самосознание, выраженное в апатии, заниженной самооценке, отсутствии перспективы и, как результат, – потере смысла жизни.

Так, герои пьесы «Божьи коровки возвращаются на землю» являются не просто жителями, а своего рода «заложниками» пятиэтажного дома, некогда построенного рядом с городским кладбищем. Такое расположение дома стало причиной его местного названия – «живые и мертвые». Явная аллюзия к одноименному роману К. Симонова становится своеобразным авторским намеком на тяжелую демографическую ситуацию в современной России.

Обитатели неблагополучного дома – люди социального «дна», «бичи», потерявшие надежду на перемены в их жизни. Центральные герои пьесы – Лера, Юлька, Дима, Славик – циничные, огрубевшие молодые люди, для которых наркомания, пьянство, распутство, обценная лексика стали привычными нормами повседневной жизни. Но важно подчеркнуть, что герои пьесы Сигарева – не «прорехи на человечестве», а падшие «божьи коровки», ставшие жертвами беспросветной провинциальной жизни, вынуждающей их не столько жить, сколько выживать. Лишенные возможности зарабатывать деньги, молодые герои пьесы решаются на вандализм: они ломают надгробные памятники и сдают их в пункты приема цветного металла. Угрызения совести не терзают «божьих коровок», воспринимающих свою жизнь как путь на кладбище: «Мы давно уже сами на кладбище живем. Живые покойники все. Родились и туда. Родились и туда. По пути могильников накорчевали, да цистерну спиртогана выжрали. И всё. И туда» [14]. Деменция божественного «образа и подобия» поражает даже самых юных героев пьесы. Зброшенные спивающимися родителями, они собирают с надгробий оставленные конфеты, и даже угощают ими одноклассников в день своего рождения. Не случайно рано повзрослевших героев Сигарева объединяет одна мечта: навсегда «свалить» из опустыленного города: «Мир провинциальной действительности, в котором родная мать спокойно делает из дочери проститутку, а товарищ сдает ради дозы надгробный памятник матери своего друга вызывает отторжение как у героев пьесы, так и у самого автора» [9].

В мир тотальной жестокости, беспросветной нищеты и тоски погружены и юные герои пьесы Ю. Клавдиева «Собиратель пуль». Главный герой, четырнадцатилетний подросток, обозначенный в пьесе личным местоимением *Он*, придумывает себе некий фэнтезийный мир, в котором есть колдуны, демоны, живые мертвецы и темный клан мифических Древопочцев, с которыми ведут войну Собиратели пуль. Вымышленный мир – способ бегства из серой, бесчеловечной действительности, который выбирает подросток, придумавший себе символическое имя – Отступник. Но мир увлекательной иллюзии, насыщенной инфернальными силами, не выдерживает столкновения с заурядной реальностью, медленно и неуклонно разъедающей сознание и душу главного героя пьесы. «Всякая мерзость продолжает происходить в мире, но никому нет до неё никакого дела», – так определяет авторская ремарка состояние окружающей героя среды [11, с. 252]. Насилие в семье,

школе и на улице заставляет Отступника в итоге думать о бегстве из жизни: «Больше всего на свете я хочу умереть. Потому что смерть – это лучшее, что может случиться с живым» [Там же, с. 269].

Своеобразной метафорой современной провинциальной жизни является пьеса П. Пряжко «Труссы». Помимо бытового среза, фиксации действительности в пьесе есть попытка обобщения, осмысления сегодняшней жизни. Современный город, в котором происходят события пьесы, населен людьми со средневековым сознанием, как норму воспринимающим пьянство, хамство, мат, сплетни, цинизм, ежедневный просмотр примитивных сериалов. Единственным действующим лицом в пьесе, выламывающимся из этой прозябающей среды, является Нина, раздражающая окружающих своим странным хобби – коллекционированием женских трусов. Для Нины трусы – это некая духовная основа её жизни, новая форма религиозного сознания. С точки зрения театрального критика П. Руднева, «Паша Пряжко пишет о нравственном пределе эпохи потребления. Труссы – не просто метафора воплощенных потаенных желаний, некая квинтэссенция супермаркета, но для Пряжко и символ духовного горения, как это ни смешно. Наша эпоха смешала духовное и материальное в сложносочиненный салат, в виртуальном мире и дух, и материя лишены веса, обезличены – и Пряжко в мании Нины, в мании приобретения и коллекционирования трусов видит и почти религиозную страсть, и тяготение к красоте, и право на обособленный мир, и фактор мученичества, и духовный подвиг, за который распинает и сжигает на костре Нинку, как новую Жанну Д'арк, злобствующее большинство» [12]. Абсурдная с точки зрения здравого смысла страсть Нины к нижнему белью служит проекцией диагноза, который автор ставит современному миру и человеку. Нину сжигают во дворе дома из спального района города за то, что она «не хотела жить как все» [11, с. 420], выламывалась за рамки обывательской нормы; она – единственный персонаж пьесы, который не пьет, не сплетничает, не сквернословит, не пошлит. Её трагическая судьба в чем-то напоминает ситуацию журналистки Насти из пьесы В. Дурненкова «Север», страстью которой была поэзия. В окружающем героиню мире пошлости творческая личность оказывается обречена на одиночество и разочарование. Стихи, которые пишет Настя, осмеиваются, окружающие воспринимают её как даму «с приветом», «шлюху». В результате «стихи исчезли, в один день просто взяли и исчезли...» [5, с. 21]. Красивые стихи, как и красивые трусы, как собственно стремление к чему-либо прекрасному наталкивается на агрессивную-завистливую деструкцию нынешнего мира.

«Вечные» вопросы о смысле жизни, о любви, о Боге, о бессмертии в драматургическом творчестве «новодраматургов» сменяются вопросами элементарного выживания. По-видимому, с этим связано отсутствие в современной драматургии трагедий уровня Эсхила, Шекспира, Пушкина (как не видно в сегодняшней литературе произведений, достигающих планки «Войны и мира», «Братьев Карамазовых», «Тихого Дона...»). Как справедливо заметила А. Вислова, «трагедия не рождается там, где нет общего подъема человеческого духа, где смерть порождает уже распадающиеся ткани, где нет цельных людей, охваченных титаническими порывами, втягивающими их в великие водовороты вечного противоборства добра и зла, где царит безжизненная, равнодушная безысходность и паралич воли» [2, с. 113]. Онтологический гамлетовский вопрос «быть или не быть» в современной драматургии теряет свою сакральную, философскую семантику, ограничиваясь проблемой адаптации человека к окружающему миру.

Герои современных пьес далеки от героев трагедий предшествующих эпох, вступающих в конфликт с враждебным окружением. Они больше напоминают персонажей античных романов эпохи римской империи, отличительной чертой которых является так называемый «пассивный героизм мученичества» [15, с. 263], подразумевающий ограниченность человеческих возможностей и марионеточное подчинение воле рока. Герои В. Дурненкова, Н. Садур, П. Пряжко, В. Сигарева, Ю. Клавдиева не являются личностями трагического мира. Будучи жертвами социума, они, как правило, «ломаются» под гнетом беспросветных обстоятельств, не испытывая нравственной трансформации. Драматурги конца XX – начала XXI века выявили острое противоречие между порывами человеческого духа и жизнью в ее обыденном измерении; социально-бытовое стало доминирующим фактором в человеческом существовании. Драматурги «новой волны» рассматривают положение человека в мире, в котором личность не ставится перед необходимостью борьбы со злом, а вынуждена все свои силы и возможности направлять на борьбу за выживание.

Список литературы

1. Бродский И. Нобелевская лекция [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «ЛитМир». URL: <http://www.litmir.co/br/?b=48077&p=2> (дата обращения: 14.09.2016).
2. Вислова А. В. Русский театр на сломе эпох: рубеж XX-XXI веков. М.: Университетская книга, 2009. 272 с.
3. Гончарова-Грабовская С. Я. Комедия в русской драматургии конца XX – начала XXI века. М.: Флинта; Наука, 2008. 280 с.
4. Громова М. И. Русская драматургия конца XX – начала XXI века: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2005. 362 с.
5. Дурненков В. Север // Новый мир. 2012. № 3. С. 7-38.
6. Лугин Ю. На «Ремарке» было чему поучиться [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Лицей». URL: <http://gazeta-licey.ru/contests/competition-new-drama-remarque/5374-yurij-lugin-na-remarque-bylo-chemu-pouchitsya> (дата обращения: 14.09.2016).
7. Лучшие афоризмы всех времен и народов / отв. ред. С. З. Кодзова. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 304 с.
8. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999. 425 с.
9. Мещанский А. Ю. Бремя «маленького человека» в драматургии В. Сигарева // Научный диалог. 2015. № 12 (48). С. 161-170.
10. Мещанский А. Ю. Содержательно-концептуальный потенциал заглавия пьесы В. Дурненкова «Север» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. 1. С. 124-128.
11. Новая драма / отв. ред. О. Коршакова. СПб.: Сеанс; Амфора, 2008. 511 с.
12. Руднев П. «Труссы» П. Пряжко [Электронный ресурс] / LiveJournal. URL: <http://pavelrudnev.livejournal.com/555902.html> (дата обращения: 14.09.2016).

13. Садур Н. Н. Обморок: книга пьес. Вологда: Полиграфист, 1999. 755 с.
 14. Сигарев В. Божьи коровки возвращаются на землю [Электронный ресурс]. URL: <http://vsigarev.ru/doc/korovki.html> (дата обращения: 14.09.2016).
 15. Тронский И. М. История античной литературы: учебник для филол. спец. ун-тов. Л.: Учпедгиз, 1946. 496 с.

THE PROBLEM OF HUMAN SURVIVAL AS A MANIFESTATION OF CONCEPT AND CONTENT SPECIFICITY OF THE MODERN "NEW DRAMA"

Meshchanskii Aleksandr Yur'evich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
 Northern (Arctic) Federal University (Branch) in Severodvinsk
 a.meshchanskiy@narfu.ru

The article reveals the key character of the problem of human survival for modern Russian drama. By different text material the paper shows the topicality of the conflict between society and an individual in the rapidly changing world of the era of the turn of XX-XXI centuries. The character of plays often appears as the object of targeted violence and tyranny. Dramatic works under study highlight changes in the system of value orientations of society which cultivates extreme individualism and focuses a personality on selfish and consumer attitude to life.

Key words and phrases: modern new drama; problem of spiritual degradation; Russian society; P. Pryazhko; V. Sigarev; V. Durmenkov; Yu. Klavdiev.

УДК 821.161.1.09

В статье рассматривается вопрос о своеобразии фелицитарного мотива в творчестве Н. А. Некрасова. Анализируются примеры обращения поэта к мотиву счастья в историко-культурном аспекте. Исследование соотношения традиционного народно-религиозного представления об идеале и размышлений литературных героев и лирического героя на эту тему позволяет выявить большую степень их близости, что свидетельствует о стремлении Н. А. Некрасова выразить мировоззрение крестьянина. Выделены две концепции счастья, обусловленные разными типами субъектов сознания и речи в поэзии Н. А. Некрасова.

Ключевые слова и фразы: мотив; счастье; крестьянское сознание; поэт-пророк.

Мишина Галина Витальевна, к. филол. н., доцент
 Башкирский государственный университет (филиал) в г. Стерлитамаке
 MishinaGV@yandex.ru

МОТИВ ПОИСКА СЧАСТЬЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. А. НЕКРАСОВА

Счастье – краеугольная категория бытия – относится к основополагающим сторонам жизни души, представляет собой реализацию религиозно-этических и идеологических представлений об идеале в индивидуальных судьбах. В понятие счастья органично входят разные представления человека о нем: от наглядного и очевидного (материальные блага, удача, почет, развлечения и удовольствия и т.п.) до морального сознания, которое обозначает состояние человека, соответствующее наибольшей внутренней удовлетворенности условиями своего бытия, полноте и осмысленности жизни, осуществлению своего человеческого назначения.

В качестве бытийной категории счастье в истории развития культуры представлено в разнообразнейших интерпретациях, нашедших свое художественное воплощение и в произведениях русской литературы. Целью данного исследования является рассмотрение своеобразия бытования мотива поиска счастья в творчестве Н. А. Некрасова.

Некрасовские герои не просто ищут счастье, они активно размышляют о его сути и путях достижения. Причем подобная рефлексия характерна как для просвещенного героя, так и для крестьянина. Обострение данного вопроса, особенно во второй половине 50-60-х гг. XIX века, было связано в том числе с непростой социально-исторической ситуацией во внешней и внутренней политике. Самым ожидаемым и значимым событием, безусловно, стала отмена крепостного права («Народ освобожден, но счастлив ли народ?»), самой опасной тенденцией – рост атеистических настроений в среде творческой интеллигенции. В ситуации утраты прежних ценностей менялась система нравственных координат, в рамках которой до сих пор происходила самоидентификация русской жизни. Традиционные представления о счастье переживали процесс трансформации. Именно это и зафиксировал Н. А. Некрасов в своем творчестве.

Например, в поэме «Тишина» (1857) размышления о счастье начинаются с характеристики этапа, необходимо предшествующего обретению оно – избавления от страданий, очищения. Заглавный концепт поэмы и является обозначением готовности к переходу к качественно иному состоянию. Отталкиваясь от ломоносовского понимания тишины как мира, отсутствия войны, Некрасов наращивает новые смыслы. Ведущим из них становится покой, достигнутый через церковное покаяние, как возможный вариант равновесия несовершенного человека и несовершенного мира с Богом.

Счастье для некрасовского героя – не впасть в мучительную рефлексю по любому поводу, уметь принять мир, доверить свою судьбу высшему разуму. Интересно, что неотъемлемой частью картины абсолютного идеала является труд. Данная тема была рассмотрена нами в отдельной статье [3]. Пример такого типа мировосприятия поэт находит в народной среде: